

Любовь — это тоже
повод для убийства...

В Л А Д И М И Р

КОЛЫШЧЕВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ОТПУСК

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

Роковой соблазн

Владимир Колычев

Смертельный отпуск

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Смертельный отпуск / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2023 — (Роковой соблазн)

ISBN 978-5-04-177727-2

Старший лейтенант милиции Игнат Жуков приехал в родной поселок на берегу Черного моря погостить у тети. Здесь же встретил подругу детства Лию и влюбился в нее. Отмечая свой приезд в ресторане, Игнат подрался с местными уголовниками, за что провел ночь в КПЗ. А когда вышел, то обнаружил, что тетю и ее сожителя зверски зарезали. Подозрения пали на одного из родственников, труп которого вскоре был найден в одной из прибрежных пещер. Чуть позже новая ужасная смерть потрясла поселок... И милиция, и население уверены, что убийцей является Игнат. У оболганного старлея не остается другого выхода, как начать самостоятельное расследование этих страшных преступлений...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177727-2

© Колычев В. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Колычев

Смертельный отпуск

© Колычев В.Г., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Солнце, море, запах лета и магнолий – это белый стих. И только женщина может вдохнуть в эти строки поэзию, вселить в них душу, придать смысл. И чем красивее женщина, тем романтичнее будет звучание этих строк. Игнат улыбнулся, глядя на девушек: одна другой краше, блондинка уже в купальнике, в обнимку с надувным матрасом, шатенка в сарафане с открытыми плечами. И обе свободны. Ни детей с ними, ни мужей, да и молоды они слишком для того, чтобы обзавестись семьей. Взгляды у них ищущие, но не алчущие, их манят романтические приключения, но никак не романы на стороне. Некому им еще изменять.

Судя по загару, обе девицы не первый день на отдыхе. Блондинка уже успела обгореть, краснота еще не совсем сошла. Шатенке повезло больше, загар у нее здоровый, с бронзовым оттенком. Кожа нежная, чистая, наверняка приятная на ощупь.

Игнат не стал ничего говорить, всего лишь смело улыбнулся, задержав на шатенке взгляд. Девушки заметно смутились, блондинка нахмурилась, заметив его взгляд, адресованный подружке. Видимо, девушка привыкла быть в центре внимания, а тут ее вдруг обошли стороной. Будет загорать на пляже и думать, что это за парень такой попался им. И на тропинку будет поглядывать, вдруг Игнат захочет спуститься к ней. А он спустится с горы на пляж, обязательно спустится. И кого-то выберет: или блондинку, или брюнетку. А может, еще кого-то. Впереди целые три недели отпуска, но ни одна ночь не должна пропасть даром. Гулять так гулять.

Девушки прошли мимо, а он свернул к дому, с южной, фасадной стороны закрытому беседкой, увитой виноградом. Две черешни, одна перед калиткой, другая за ней, во дворе. Игнат, помнится, обрывал черешню и с одного, и с другого дерева. Дядя Валя злился, все ходил жаловаться к его тетке. Ругались они, дядя Валя и тетя Витя, и не только из-за черешни, терпеть, казалось, друг друга не могли. И надо же, уже пару лет живут вместе.

Давно Игнат не гостил у своей тетки. В семнадцать лет в последний раз приезжал. В Хабаровск его судьба забросила, на Дальний Восток, после армии там и остался, учился, четыре года работал, в полноценный отпуск смог вырваться только сейчас. Погостил пару недель дома у родителей, и теперь вот к тетке, на Черное море. Отдохнуть, погулять, пока молодой. И неженатый.

Он открывал калитку, а тетя Витя в это время выходила на крыльцо. Шестидесять лет женщине, но на бабушку она не похожа. Может, потому что внуков нет. А может, потому что молодится. И прическа у нее современная, и платье с длинными рукавами, и шляпа широкополая. Сколько помнил ее Игнат, она всегда побаивалась солнца. И сейчас, закрыв за собой дверь, тетя Витя первым делом надела шляпу. Только тогда и посмотрела по-хозяйски по сторонам. И взгляд у нее строгий, и выражение лица суровое, но глаза она не щурила, лоб не морщила, кожу берегла. Увидев Игната, обрадовалась, широко улыбнулась и поспешила к нему навстречу.

– Игнат, ну что же ты? Почему телеграмму не дал, мы бы встретили!

Как ни старалась тетя Витя выглядеть молодо, а годы все-таки взяли свое. Не растолстела она, не осунулась, выглядела такой же стройной и бодрой, как раньше. А лицо все же постарело, морщины на лбу, вокруг глаз. И все же для своих лет она выглядела прекрасно. И пахло от нее «Красной Москвой», но никак не огородом, соленой прожженной солнцем землей. Мама у Игната – женщина городская, на четырнадцать лет младше тети Вити, а выглядит не лучше.

– Да я налегке! – Игнат бросил на землю дорожно-спортивную сумку.

– Игнат!

Тетя Витя обняла его, какое-то время стояла, прижавшись и что-то с улыбкой вспоминая. Отстранилась, отошла на шаг и окинула взглядом.

– Красавец!.. Сколько ж лет тебя ждали?

Не зря Игнат жил у тети Вити столько лет, он тоже любил пофорсить. И прибарахлиться в дорогу возможность имелась. Фирменные джинсы, кроссовки, черная рубашка из натурального шелка. Верхние пуговицы расстегнуты, цепочка золотая на солнце поблескивает. Звенья крупные, вещь, одним словом.

– Девять, мама Вика!

Тетей Витей Викторию Максимовну называл только Игнат. А так принято было величать ее мамой Викой. Не получилось у тети Вити родить ребенка, бездетная она, а ей так хотелось стать матерью. Потому и к Игнату она относилась как к родному сыну. И просила называть ее мамой. Начиная с пяти лет он каждое лето гостил у нее, целую жизнь, считай, у моря провел.

– Что ж ты так?

– Да работа! Отпуск только зимой! И то всего два раза!

– И что ж за работа такая? – хитро сощурилась тетя.

– Север, мама Вика, север!

Удивительное дело, к северу Хабаровск имел такое же отношение, как Северный Кавказ, но тем не менее. Скажешь, что на Дальнем Востоке работал, никто ничего не понимает, а если на севере зашибал, то никаких вопросов. Но тетя Витя лишь лукаво усмехнулась.

– Ну, понятно!..

Она смотрела на Игната, как будто он на северах мотал срок, только что откинулся и теперь вот на юга пожаловал. Но ничего страшного тетя в том не видела. Она и сама в свое время привлекалась, и муж ее первый сидел. Мало того, тетя Витя всерьез считала, что лучше быть уголовником, чем служить в органах. Во всяком случае, Игнат слышал от нее такие рассуждения.

– Как вол пахал, пора немного отдохнуть, – улыбнулся Игнат.

Не собирался он разубеждать тетю Витю. Да и зачем, если у нее нормальное отношение к бластной романтике, которой он действительно сыт по горло.

– Заработал много. А то если дом строить будешь, с участком могу помочь. – Тетя Витя с иронией смотрела на него.

Ну какой может быть дом, когда на зоне много не заработаешь?

– Да я бы с удовольствием, – широко улыбнулся Игнат.

Построить дом в поселке Морячок – его мечта, осуществление которой отложено до поры до времени.

– Ну тогда или дом строй, или жди, пока мои дома тебе достанутся... – Тетя Витя кивком указала на свои два дома, один за другим расположенные по соседству.

В одном доме она жила с рождения, с родителями, с младшей сестрой. Тете Вите было шестнадцать, когда не стало родителей, она сама тянула на себе сестру, которая уехала в город, едва ей исполнилось пятнадцать. Уехала в Ростов учиться и устраивать жизнь, а через пять лет стала мамой Игната. А тетя Витя осталась жить в поселке у моря. Вышла замуж, развелась. Снова вышла – на этот раз за соседа, который был лет на двадцать старше нее. Второй муж умер, его дом отошел ей. Дядя Валя, помнится, спьяну орал на всю улицу, что тетя Витя отравила мужа. Как кошка с собакой они тогда жили. И надо же. Тетя Витя и дядя Валя живут вместе. Возможно, душа в душу. А ведь он сам лет на пять младше нее.

– Но, учти, я помирать не собираюсь! Лет сорок еще поживу!

– Сорок мало, давайте сто! – засмеялся Игнат.

Из наследников у тети Вити только он один. А дома хорошие, один блочный, другой кирпичный. И оба дома тетя Витя сдавала курортникам. Раньше один дом сдавала, а сейчас оба. Этим и жила.

– Я и на двести согласна, – улыбнулась тетя Витя. – Так никто ж не спросит!.. Ох, что ж это мы стоим-то?

Всплеснув руками, тетя Витя схватила сумку и понесла ее к дому – через двор, мимо крыльца. Игнат и хотел отобрать у нее ношу, но не смог догнать. Шустрая она женщина, настоящий метеор.

– А мне Люба звонит, ты, говорит, возвращаешься. Жди! Я комнату приготовила!

Сколько помнил Игнат, дядя Валя занимался виноградарством, и двор у него под навесом из изабеллы, и вокруг дома тенистые беседки. А в огороде целые ряды виноградной лозы, там в основном белые сорта. За черешню дядя Валя мог отругать, а за виноград убить, Игнат это даже в детстве четко понимал. Поэтому за виноградом в соседский двор не лазил. Да и зачем, когда сразу за дорогой начинались виноградные поля, от моря до самых гор. У дяди Вали погреб особенный, там, говорят, бочки стоят, в которых он томил вино. Таинство, покрытое мраком, но сейчас у Игната появилась возможность заглянуть в этот погреб. Одна дверь с южного торца здания вела в комнату, которую тетя Витя подготовила для него. А через другую можно было попасть в подвал, вход этот охранял большой амбарный замок, но Игнат знал как минимум три способа, чтобы взломать такую преграду. Замки для него не помеха. Только вот не полезет он в винный погреб. Зачем?..

Солнце в зените, южная сторона дома под жарким огнем, но в комнате на удивление прохладно. И виноградные навесы хорошо защищают, и оба окна открыты – южное и восточное, сквозняк отлично проветривает помещение. И комната очень даже ничего: свежие обои на стенах, полы недавно покрашены, шифоньер лакированный отливает отраженным светом, деревянная кровать-кушетка с мягким матрасом. Подушка в накрахмаленной наволочке стоит петушиным гребнем. Но Игнат, хоть и устал с дороги, ложиться не будет. Уж лучше на море сгоняет, тут недалеко. По тропинке вниз к реке, затем короткий, но крутой подъем, снова спуск, и пожалуйста, пляж – покатые камушки. Дно неровное, каменистое, скользкое, зато сразу же глубоко. Там валун крупный в воде, посуху зайти можно, с него хоть «бомбочкой», хоть «ласточкой», хоть кувырком. За девять лет там точно ничего не изменилось. И за девять веков не изменится.

– Давай располагайся. Можешь душ принять.

– А еще что можно? – с намеком улыбнулся Игнат.

– И девушек можно! – погрозив парню пальчиком, засмеялась тетюшка. – Если осторожно... Тут за шкафом дверь, все слышно.

– А мы тихо!

– Да нет, это вам будет громко!.. Давай устраивайся! А я пока с обходом. – Тетя Витя кивнула в сторону своих законных владений.

Два дома там, битком набитые жильцами, живыми, можно сказать, деньгами. Пляж здесь отличный, до поселка рукой подать, через мост перейти. Виноградная улица – окраина поселка, или просто отшиб, именно так и называлось это местечко – в девять домов на одной линии у моря. И почти во всех домах курортники. А можно и на поселковый пляж сходить, там народу куда больше. И смазливых девчонок, соответственно. Впрочем, две цыпы в прицел уже попали, далеко ходить не надо, можно прямо сейчас начинать отстрел.

– А вернись, сразу тебя покормлю. Окрошка, колбаска, все как ты любишь.

– Люблю, – улыбнулся Игнат.

Тетя Витя глянула грустно на него, хотела что-то спросить, но ничего не спросила и вышла из комнаты. Вроде бы и хотела поинтересоваться, как их там, в зоне, кормили, но выглядел Игнат неплохо, точно не похож на голодающего. А кормить хорошо в местах не столь отдаленных не могут. Там человек страдать должен, а не жировать.

– О-о, Лия! – послышал за дверью возглас.

– Да я смотрю, калитка открыта!

Игнат узнал знакомый голос, выглянул в окно, которое выходило во двор, и увидел Лию, подружку дней своих незрелых. Она на два года его младше, сейчас ей двадцать четыре. Уже

не юная, но молодая и красивая. Волосы светлые от природы, слегка выгоревшие на солнце, пышная прическа до плеч, темные брови, длинные густые ресницы. И рот у нее широкий, но вовсе не безобразный, как раз наоборот, чувственно красивый. И губы полные, четко очерченные. А взгляд у Лии как привет из глубины целого мира, в который вдруг захотелось переместиться и даже поселиться в нем.

Но пока что сама Лия выселяла кого-то из среды своего обитания.

– У вас комнаты свободной не найдется? – улыбаясь, спросила девушка. – А то у нас уже все занято, а постоялец просится.

Улыбка у нее светлая, как луч солнца. Но луч этот не в ясный день, а в пасмурную погоду. Не видел Игнат прежней наивности во взгляде Лии, чистоты помыслов и телесной невинности. Зато видел золотой зуб в переднем верхнем ряду. Девять лет они не виделись, за это время Лия могла и замуж выйти, и детей родить. Да и за косы жизнь могла потаскать, и в грязь лицом ударить... Но красивая девка, стройная, грудь высокая, упругая. Платье на ней с тонкими бретельками, плечи открыты, видно, что лифчика под ним нет. Бедра не узкие, но и не широкие, тугие; ноги длинные, но это Игнат и раньше замечал. А вот размером груди Лия в пятнадцать лет похвастать не могла, доска два соска – так ее однажды назвал Давид. И еще спросил, зачем она лифчик носит?..

– Да есть комната, есть, – немного подумав, сказала тетя Витя.

Она взяла Лию под руку, разворачивая ее лицом к калитке. Лия скользнула взглядом по окну, в которое смотрел Игнат, увидела его. И ее брови удивленно взметнулись вверх.

А Игнат даже не шелохнулся, стоял, как будто в ступор впал. Он ведь и раньше до женского полу охоч был, ходил с друзьями по набережной, снимал девчонок, Лия же и близко не входила в зону его романтических интересов. Соседка, подружка, кто угодно, но только не любимая девушка. А вот сейчас Игнат стоял и смотрел на Лию чуть ли не с открытым ртом.

Лия заметно смутилась, но улыбка не сошла с ее лица, напротив, стала светлей, взгляд ожил, повеселел. Она помахала ему рукой, только тогда Игнат очнулся и вышел к ней. Их разделяло всего двадцать шагов, если в обход – через дверь.

– Узнал? – весело спросила тетя Витя у парня.

– Да узнал! – кивнул Игнат.

Он ведь рубаха-парень, Лия помнила это его амплуа. И сейчас он просто обязан подтвердить свою репутацию. Это совсем не трудно. Хотя и боязно...

– Привет!

Он шел, мягко надвигаясь на девушку, плавно притормозил и обнял Лию, практически не касаясь ее. И щеки коснулся губами легко, при этом будто получил разряд тока.

– Привет! – Лия нежно провела рукой по короткому рукаву его рубашки и посмотрела прямо в глаза – мягко и заворуженно.

– Пойдем? – спросил Игнат, хитро и беззастенчиво глядя на нее.

– Куда? – Лия спрашивала и у него, и у себя.

Ей и самой хотелось знать, готова ли она броситься в омут с головой? У нее своя жизнь, Игнат всего лишь метеорит в небе – вспыхнет, пролетит и погаснет.

– На камень.

А куда он мог ее позвать, если не на море? Во-первых, он как раз собирался туда. Во-вторых, от Лии головокружительно пахло морем и водорослями, высушенными соленым ветром. И не хотел бы, все равно потянуло бы на пляж.

– Сейчас?

– Ну, можно и ночью.

– Так, я пойду! – Тетя Витя шумно хлопнула себя ладонями по бедрам. – Где там ваш постоялец? – спросила она и, не дожидаясь ответа, направилась к калитке, за которой стояла

полная женщина в пышных завитушках на голове и тощий мужик в панамке и почему-то с сачком.

– Я сейчас, – не сводя с Игната глаз, сказала Лия.

– Идем?

– Идем! – кивнула она.

И, поворачиваясь к нему спиной, вскинула правую руку, растопырив пальцы. Она просила пять минут. Ну так и ему нужно надеть плавки.

Лия появилась минут через десять, в том же платье, но в купальнике под ним.

– Извини, опоздала, – улыбнулась она.

– Не знаю, не засекал.

– А внутренние часы?

– Остановил. На время отпуска.

– И надолго... – Лия запнулась. – В отпуск?

Игнат незаметно усмехнулся. Уж не тетя ли наговорила ей, пока устраивали постояльцев? Отмотал срок племянник, откинулся, жизнь новую начинает. Уголовное прошлое в этих местах точно не клеймо, хотя и не путевка в жизнь.

– Надолго. Если совсем отменить время.

– Давай попробуем!

По тропинке вдоль заборов они вышли к обрыву над рекой, тропинка здесь резко уходила вниз и в сторону. Игнат помнил здесь каждый камушек, каждый поворот, но и Лия знала эту дорогу наизусть. Он подал ей руку, она кивнула, соглашаясь принять помощь, но спустилась, даже не прикоснувшись к нему.

– А Давид тоже недавно вернулся, – сказала она.

Игнат подозрительно глянул на девушку. С чего это вдруг она заговорила о Давиде? Почему именно сейчас, когда он подал ей руку?

– И как он?

Давид жил по соседству с Лией, в прошлом они терпеть друг друга не могли, постоянно выясняли отношения. Но Игнат уехал, а Давид остался. И как там у них отношения сложились, только им известно. Тетя Витя с дядей Валею тоже собачились, и ничего, живут душа в душу.

О Давиде Игнат знал только одно: шесть лет назад парень влетел за ограбление и получил срок. Связался, что называется, с плохой компанией.

– Да хорошо, – пожала плечами Лия.

Они спустились к реке, дальше тропинка тянулась вдоль берега – к морю. Но можно было свернуть и в другую сторону, там тоже пролегла тропинка. И пышные кущи – ива, ольха, орешник.

Лия улыбнулась, вспомнив что-то не очень для себя веселое. Вроде бы и прикол, но вспоминать почему-то не хочется. Игнат тоже вспомнил. Фифа одна у тетки в доме отдыхала, ходила, задницей здесь вертела. А Игнат уже взрослый, шестнадцать, как-никак. В общем, закрутил он с вертихвосткой, в этих кустах она его и совратила. Сама, можно сказать, набросилась, а он с радостью поддался. Ива там над водой, ствол кривой, толстый, Ноночка прижалась к этому дереву животом, помогла Игнату пристроиться. И на самом интересном месте вдруг появилась Лия. Застукала их, возмущенно хихикнула и убежала. А у него тогда враз желание пропало. М-да.

– Кому хорошо? – останавливаясь, спросил Игнат.

– Кому хорошо? – нахмурилась Лия.

– Давиду хорошо?

– Просто так сказала, что хорошо.

– А я не просто так говорю... что ты красивая. Ты очуметь какая красивая!

– Я знаю... – Девушка попыталась улыбнуться, но у нее дрогнула щека.

Лия знала себе цену, но при этом заворуженно смотрела на Игната. Влюбленно и глупо. Как будто он признался ей в любви, а она не могла поверить своему счастью. Но в целом глупой она не выглядела. И в любви ей наверняка уже признавались. И если она отказывала во взаимности, то не всем. Возможно, Давид из этих счастливыхчиков. А может, у них все очень-очень серьезно. А тут вдруг Игнат и его внезапная любовь. Лия растеряна, но не оглушена.

– И я ничего не могу с собой поделать, – сказал он и тут же спросил: – А надо?

– Что надо?

– С собой что-то делать?

– Мы на море идем? – спросила Лия, но даже не шелохнулась, чтобы продолжить путь.

Ну и на кусты, в которых когда-то застучала Игната, не глянула.

– Море – это ты! Огромное, бездонное. И пахнешь как море.

Игнат заставил себя сдвинуться с места, наклонился к Лие. Дальше пошло как по маслу. Глядя, как она закрывает глаза, он поцеловал ее в губы. И крепко, крепко прижался к ней низом живота. Его мгновенно охватило желание, и он еще сильнее прижался к Лие.

– Не надо, – с трудом отрываясь от него, пробормотала Лия.

– Тут люди, – кивнул он.

Лия девушка высокая, немногим ниже, чем Игнат, но ему ничего не стоило оторвать ее от земли, взять на руки.

– Ты что делаешь? – Она ударила его по плечу, но засмеялась, глянув на свою ладонь.

Какой у него бицепс и какой у нее кулачок, одно раз в пять крупнее другого. А Игнат всегда держал себя в форме, начиная со школы.

– В том-то и дело, что ничего не делаю. Просто плыву по течению. Давай со мной!

Ива с кривым стволом никуда не исчезла, только ствол стал еще толще, и кора на нем грубая – точно не мягкий матрас. Но Игнат сам полулег на дерево. Приземлил Лию, лег, не выпуская ее руки, потянул девушку на себя. И она навалилась на него. Все произошло так быстро и резко, что у них у обоих захватило дух.

– Игнат! – надсадно засмеялась девушка, барахтаясь на нем.

Одна ветка давила на голову, другая колола в бок, неровности мозолили спину, но Игнат старался не обращать на это внимания.

– Поплыли?

– Ты ненормальный!

Он закрыл ей рот поцелуем, она дернулась раз-другой и затихла. Зато его колотило, как поршень паровоза под критическим давлением, сила желаний трансформировалась в движение. Он не стягивал с Лии платье, не мял ее грудь, а слегка оттянул ее плавки. А сам он в коротких спортивных шортах, подол платья накрыл их целиком.

– Я ведь тебя потом убью, – пробормотала она, раскинув ноги в позе наездницы.

– Потом хоть потоп, – входя в девушку, кивнул Игнат.

– Ты даже не представляешь... – Она недоговорила и, принимая предложенный ей ритм, замолчала.

Но ненадолго. Сначала она тихонько постанывала, затем из ее груди вырвался сдавленный крик. А в кустах зашумел ветер. Или это кто-то шумно опустил ветку. Игнат затуманенным взглядом глянул в сторону, откуда они с Лией пришли. Никого. Но ветки качаются, хотя нет ветра. И где-то за ними мелькнул силуэт человека. Кто-то нарушил их уединение, но спасибо, не поднял шум, а разумно убрался. Спасибо... Спасибо... Еще, еще...

Тогда, десять лет назад после такого вторжения в уединение с Ноночкой, у него пропало желание. Зато сейчас никакая сила не могла остановить Игната. Еще, еще... Быстрее, выше, сильнее!.. Планка поднята высоко, но шест крепкий, упругий, он не должен подвести. Разбег, толчок, рывок – есть! Высота взята!.. Игнат непонимающе глянул на Лию. Или она что-то

крикнула про высоту, или эта фраза прозвучала у него в голове. А крикнуть она могла. И крикнула... Крикнула и замолчала, обессиленно упав на него.

– Зачем ты это сделал? – через некоторое время спросила Лия, руками отталкиваясь от его груди.

– Это не я!

– А кто?

– Бес в меня вселился. Через тебя!

– Через меня? – Она улыбнулась, глядя на него затуманенными глазами.

– Можешь меня убить. Мне уже ничего не страшно.

Смешно это или нет, но Игнату казалось, будто он прожил всю жизнь без остатка. Все познал, везде побывал, все, хватит, пора умирать. А ведь Лия – это действительно целый мир, после нее не страшно отправиться на тот свет. Даже после того, как все закончилось. Или все только начинается?

– Давид тебя убьет! – Лия смотрела ему прямо в глаза. Не пугала, не угрожала, всего лишь констатировала факт.

– Давид?

– Если узнает.

– А он узнает?

– Я ему не скажу.

– Ты ему чем-то обязана?

– А ты не знаешь?

– Что я должен знать? – спросил Игнат.

– Ах, да, ты же мною никогда не интересовался, – усмехнулась Лия.

– Как женщиной не интересовался... А сейчас очень даже интересуюсь, – сказал он.

– Только не думай, что со мной так просто, взял и... – Она недоговорила, но заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Не думаю.

– Давид два месяца за мной бегал... А до этого шесть лет... пять лет мне писал...

– Так шесть или пять?

– Год не писал, не решался. А потом решил признаться...

– В чем?

– Давид меня добивался.

– И добился?

– И добился.

– Понятно.

Игнат пошевелился, давая понять, что пора подниматься. Он уже не чувствовал под собой тела, так отлежал все. Но Лия этого как будто и не поняла. Так и продолжала полусидеть на нем, поправив на себе плавки.

– У него все серьезно, – сказала она.

– А у тебя?

– А у тебя игра, – вздохнула Лия. – Пришел, увидел...

– Победил, – закончил за нее Игнат.

– Развезло меня на старые дрожжи.

– На старые дрожжи?

– Я ведь была в тебя влюблена как кошка. – Лия закрыла глаза, пытаясь скрыть смущение.

– И я в тебя влюбился, – сухо, но от души сказал он. – И Давиду тебя не отдам.

Лия распахнула глаза и с надеждой посмотрела на него.

– Не надо.

– Купаться идем?

– Давид может вернуться в любой момент.

– Откуда?

– В командировке он. – Лия отвела в сторону глаза.

– На гастролях? – Игнат смотрел на нее, притягивая к себе взглядом.

И она поддалась, посмотрела на него.

– Не знаю.

– И я ничего не хочу знать, – твердо сказал Игнат.

Лия кивнула, внимательно и оценивающе глядя на него. Давид вовсе не обязан завязывать со старым, если он вор, это его право. А если так, то Игнат и не собирается совать нос в его дела. Если Давид сейчас чистит чьи-то карманы или выставляет квартиры, ему вовсе не нужно знать о том, что произошло. Все правильно, все по понятиям.

– А про тебя хочу знать все, – сказал он.

Лия снова кивнула, резко поднялась, с силой оттолкнувшись от него. И, оправив подол платья, испытующе посмотрела на него.

– Ты в этом уверен? – спросила она.

Игнат поднимался, не сводя с нее глаз. Смотрел плотно, цепко и даже жестко.

– Уверен.

Он заявляет на Лию права. И отбирает ее у Давида, чтобы присвоить себе. И он настроен очень решительно. Потому и хочет знать о ней все. Только так и следовало его понимать.

Лия кивнула. Именно так она его и поняла.

Глава 2

Вода морская, натуральная, как говорит капитан Врунгель. Он-то мог пить ее вместо родниковой воды, Игнат же не настолько просолен изнутри, но купается он с удовольствием. А Лия стоит на камне, смотрит на него, загадочно улыбается. В купальнике она смотрелась великолепно, но Игнат уже изнывал, так хотел увидеть ее вовсе без ничего. Почему бы им не сходить на этот пляж ночью?

А сейчас на пляже люди. И те две девушки, блондинка и брюнетка, на которых у него на сегодняшний вечер были планы. Но планы расстроились из-за Лии. Все, хватит, нагулялся, пора и честь знать. Она предложила ему свой мир, Игнат принял его. Все, больше ему никто не нужен. Лишь бы только Лия не вернулась к Давиду. Она не хочет, но все возможно.

Лия уже накупалась, она ждала его. Вторая половина дня, но солнце еще палит, но ее это не пугает. Ее тело уже бронзовое от загара. И даже под купальником кожа подзагорелая. Может, голышом загорала. Но зачем, для кого?.. Игнат знал дикий пляж, где можно загорать без ничего, но туда долго идти, да и море там мелкое, дно паршивое, и на берегу острые камни.

Игнат подплыл к камню, зацепился за край, с силой выдернул тело из воды. Он и гириями одно время увлекался, и на турнике «солнышко» крутил как нечего делать – и с гимнастикой дружил, и с атлетикой, как с тяжелой, так и с легкой. Лия задержала взгляд на его татуировке. Череп у него там в пиратской косынке и с черной повязкой на глазу, вместо костей скрещенные сабли. Спрашивать она не стала, а он как будто и не заметил ее интерес. В конце концов, там же не имя другой женщины выколото.

– Пойдем? – спросил он, кивком указав в сторону дома.

Прогулка у них сегодня, выход в город, как говорится. В поселок девушка не захотела, а в Геленджик – очень даже с удовольствием. От поселка на такси всего полчаса пути.

Возвращались они той же дорогой, какой и пришли. На тропинке у реки их ждали. Давид стоял на том самом месте, откуда Игнат сегодня утром утащил Лию в кусты.

Игнат не сразу его и узнал, настолько Давид изменился. Из худосочного паренька с нежными чертами лица он превратился в заматерелого мужчину с жестким взглядом. Высокий, крепкий, черты лица правильные, но загрубевшие на лагерных ветрах, волосы черные, как адова смоль, глаза синие, как дневное небо над Арктикой, такое же морозное и пронизанное ледяными ветрами.

Давид пристально смотрел на Игната, если он пытался его заморозить, то кое-чего добился. Игнату действительно стало немного не по себе. Давид производил сильное впечатление, отрицать это бессмысленно.

На Игната Давид смотрел с осуждением, а на Лию с презрением. Но из себя не выходил, накопившаяся в нем энергия для взрыва не рвалась наружу, но чувствовалась. А взорваться Давид мог. Драться он особо не умел, но этот недостаток с лихвой компенсировался его бешенством, которое находило на него в схватке с противником. Он запросто мог схватиться за камень, за нож. И пырнуть он мог ножом, Игнат знал как минимум два таких случая. В драках стенка на стенку. Насмерть Давид никого не зарезал, даже до реанимации дело не доходило, поэтому к ответственности его никто не привлекал. Да и кто бы его сдал? Пацаны с Виноградного любили драться, а стучать – нет. И в Морячке такая же правильная братва... Эх, были времена. И сейчас не лучше. Но Игнат уже в этих сварах не участвует. Да и Давид вышел из глупого возраста. Хотя вряд ли поумнел.

– Ну, здравствуй!

Игнат понимал, что Давид руки ему не пожмет, поэтому пятерню ему не протягивал. И поздоровался сухо.

– Здравствуй, здравствуй... С Лией моей гуляешь?

Лия не вздыхала, даже головы не опустила, но ничего не сказала. Она сравнивала Игната с Давидом, и это сравнение было не в пользу Давида.

- Даже хуже.
- Что хуже?
- Для тебя хуже. Для меня лучше, – усмехнулся Игнат.
- А для нее? – Давид кивком указал на Лию.

Та в ответ лишь цокнула языком. Она-то яблоко раздора, но сейчас не время переводить на нее стрелки. Если Давид все знает, если он начал разговор с предьяв, то сначала нужно спросить с Игната, а потом уже выяснять с ней отношения. А спросить Давид мог, наверняка у него в заднем кармане джинсов находился кнопочный нож. А может, и под штаниной прячется.

- Нехорошо ты поступил, брат, – качнул головой Давид.
- Ну, во-первых, я не знал.
- А во-вторых?
- А во-вторых, я бы все равно закрутил с Лией.
- Влюбился?
- Может быть.
- Понимаю... Сам думал, что лучше биксы нет.
- Она не бикса! – угрожающе нахмурился Игнат.

С одной стороны, бикса – это всего лишь красивая девушка. Коза, бикса, чувиха. Но в уголовном мире биксами называют шалав и проститутток...

- Ты много чего не знаешь, пацан, – едко усмехнулся Давид.
- Узнает! – резко глянула на него Лия.
- А я чистую девочку нашел. В Новороссийске.
- Флаг в руки! – Лия шлагбаумом опустила руку в западном направлении.
- Не знал, как тебе сказать. А теперь и говорить не надо, – одними губами усмехнулся

Давид.

- Давай, давай! – Лия повторила жест.
- Зря ты с ней связался, – зло, но без наезда сказал Давид.

Повернулся к Игнату спиной, сунул руки в карманы и пошел, изображая полнейшее равнодушие к происходящему. А задний карман брюк оттягивало что-то похожее на нож.

Лия стояла не шевелясь. Давид поднялся вверх по склону, только тогда Игнат посмотрел на нее. Она вздохнула, заметив его взгляд, и побрела вдоль реки в сторону от моря. Остановилась возле знакомой ивушки, оперлась на ствол рукой. Игнат подошел, остановился напротив. Он ничего не сказал, но Лия почувствовала вопрос.

- Я с Молчаном жила, – тихо сказала она.

Игнат кивнул, принимая объяснение. Знал он, кто такой Молчан, фигура в уголовном мире серьезная. К тридцати годам он имел две ходки по воровским статьям, в тридцать шесть его короновали, а еще через два года убили где-то на Тайшетской пересылке. А брали его здесь, в Морячке, на продаже краденого автомобиля взяли. Все это Игнат знал. А то, что сказала Лия, нет.

– В «Морячке» работала официанткой, а там, ты знаешь, блатные бывают. Какой-то урод докопался, Молчан заступился, ну и...

- Понятно.
- Два года с ним жила.
- Ну да.

В ресторане Лия работала, с блатными хороводила. Может, и сама блатная кошка. Есть в ней что-то такое зубастое и царапистое, хотя и не злое. Но развратное. Игнату как с добрым утром отдалась, под купальником кожа у нее загорелая, может, она не только официанткой

работает. Девушка она красивая, и блатным нравится, и курортникам. Может, не зря Давид ее биксой назвал.

– А в прошлом году его закрыли.

– И убили, – кивнул Игнат.

– Слышал? – с интересом глянула на него Лия.

– Он же в законе, слухи распространяются быстро.

– И я сейчас в кабаке работаю. И сейчас там блатные... Думаешь, кто-то пристаёт? Нет!..

Уважают!..

– Я пристаю.

– А если судьба у меня такая?

– Какая?

– А Молчан, Давид... Ты!.. Или ты такая же судьба, как ветер в голове? – едко усмехнулась она.

– Только Молчан? Только Давид?

– Ну был еще один, до Молчана... Курортный... Мне тогда девятнадцать лет было, так мозги закрутил... С тех пор я курортников седьмой дорогой... Да и раньше обходила... – пожалала плечами Лия. И вдруг жестко глянула на Игната. – А ведь ты думаешь, что я шмара какая-то!

– А давай сегодня в «Морячок» сходим?

– Зачем?

– А посмотрю!

– Как меня снимают?..

– А тебя снимают?

– А пойдем сегодня в «Морячок»!

Лия резко поднялась и, задев Игната плечом, взяла обратный курс. Догонять он ее не стал и домой отправился в одиночку. И ей успокоиться надо, и ему мысли в порядок привести.

Дядя Валя уже вернулся домой с работы. Он командовал тракторной бригадой на винограднике и дома вел себя как начальник. Увидев Игната, он внутренне подобрался, приосанился, нахмурил брови. И руку пожал, вопросительно глядя ему в глаза. Крупный он дядька, сильный, рукопожатие крепкое, но кости у Игната не затрещали. У него у самого хватка железная, тренированная. Вольной борьбой с младших классов занимался, затем на самбо перешел.

– Накупался? – спросил дядя Валя.

Он и сам после душа, голова мокрая, сам пахнет мылом, на плече полотенце.

– Купался, – кивнул Игнат. – Но еще не наелся.

– На три недели, говоришь, приехал.

– На три недели?

– А потом?

– Потому уеду.

– И не останешься?

– А надо?

– Да нет... Деньги есть?

– Хотите одолжить?

– А ты не хочешь?

– Я на свои живу.

Дядя Валя хотел сказать что-то не очень приятное, но увидел мужчину, который стоял за калиткой.

– Началось! – хлопнув Игната по плечу, он направился к незваному гостю, который стоял, слегка покачиваясь, будто от ветра. Он держал за руль велосипед.

Качало мужика, а ветра нет. Физиономия у него распаренная, красная, и дело тут не только в солнце. Под градусом он, причем прилично. А ведь на велосипеде ехал.

– Ну чего тебе? – громко спросил дядя Валя.

– Валентин Георгиевич! – донеслось из-за калитки.

– Что Валентин Георгиевич? Я уже пятьдесят пять лет Валентин Георгиевич!

– Зоя просила!..

– Опять просила!

Дядя Валя вышел за калитку, взял мужика за плечо и повел к дороге вместе с велосипедом.

Откуда-то появилась тетя Витя, подошла к Игнату. И у нее полотенце через плечо, но вместе с тем и тарелка в руке. Видно, из летней кухни вышла, посуду мыла-протирала.

– Что он тебе сказал? – глядя вдаль, спросила она.

– Да ничего... Кто это?

– Да Гена, зять Валентина, муж Зойкин.

Игнат кивнул. Зойку он знал и помнил ее взрослой девушкой. Которая гуляла с такими же взрослыми парнями. Гуляла, пока не нагуляла. Дядя Валя, помнится, на всю улицу кричал, проклиная дочь.

– В Виноградном живут... – Тетя Витя повела рукой в сторону от поселка.

Не зря их улица называлась Виноградной. И виноградники у них здесь, и связывала улица два поселка. Километров пять-шесть от Морячка до Виноградного, место там неплохое, в межгорной долине, но до моря не очень близко.

– Опять просить приехал, алкаш несчастный!

– Денег?

– И денег тоже... И вина, и денег...

Дядя Валя с зятем не церемонился, вывел его на дорогу, посадил на велосипед и даже пнул вслед, видно, хотел ударить по колесу, но решил этого не делать. Зять пьяный, если упадет, убиться может.

– И часто так?

– Да вот как чувствует!..

– Что чувствует?

Тетя Витя не ответила, она пошла навстречу дядя Вале, собираясь у него что-то спросить.

Игнат отправился в летний душ. За весь день вода в железном баке нагрелась чуть ли не до точки кипения. В кабинке душно, вода горячая, мыться не очень приятно, зато потом ощущение блаженства. Но недолгое. Навалились сомнения, на душе стало беспокойно.

Лия девушка красивая, просто огонь. Но мог ли Игнат связать с ней дальнейшую жизнь? А ведь она не просто хочет погулять с ним, ей серьезные отношения нужны. И она ясно дает это понять. Нагулялась, молодость проходит, пора замуж, пока не поздно. А Игнат сопли перед ней распустил, в любви, считай, признался. Может, назад повернуть?

Он шел через двор, за оградой по дороге шли те самые девушки, которых он видел утром. С пляжа возвращаются, наверняка строят планы на вечер. Может, перехватить их и в поселок рвануть? Там базы и дома отдыха, дискотеки для курортников, кафе-мороженое и тому подобное... Только вот не нужна ему ни блондинка, ни шатенка. Все мысли о Лие.

Она появилась в девятом часу, солнце уже зашло, над улицей ступались сумерки. Волосы начесаны, губы ярко накрашены, нарядное платье сидит как на манекенщице, босоножки на шпильках. Игнат вышел к девушке, что называется, при полном параде. Она как ни в чем не бывало взяла его за руку, от нее пахло дорогими духами, и не «Красной Москвой». Неужели духи французские? Может, подарок от Молчана? Или от кого-то из его друзей.

Река узкая, мелкая, но пойма широкая, мост длинный, метров двадцать, не меньше. Крепкий мост, сваренный из железных труб, но пешеходный, по нему даже на мотоцикле

ездить не рекомендовалось. На середине моста Игнат остановился, развернул Лию к себе и крепко прижал, обнимая за нижнюю часть спины.

– И что дальше? – с улыбкой спросила она.

Игнат смотрел ей в глаза, и Лия отвечала ему тем же.

– Смотрю на тебя!

– Вижу, что смотришь.

– И я вижу. Всю свою прежнюю жизнь вижу.

– И что?

– Хочу увидеть будущее.

– Попробуй! – сказала девушка, настороженно глядя на него.

Игнат кивнул и поцеловал ее в губы. Под ногами шумела река, и ему вдруг захотелось оказаться в настоящей горной реке, чтобы несло, кружило, тянуло на дно, а ему нужно было бороться, барахтаться, чтобы не утонуть.

Он отстранился от Лии и снова посмотрел ей в глаза.

– Увидел? – спросила она.

– Увидел... Мы с тобой у реки. На одном берегу.

– На одном?

– А рядом лодка. Мы можем сесть и уплыть. Вместе.

– А кто на веслах?

– Я, разумеется.

– Тогда поплыли! – Она засмеялась и взяла Игната под руку.

Ресторан «Морячок» размещался на втором этаже универмага, к нему примыкала открытая веранда, куда вела отдельная, не связанная с магазином лестница. Внутри ресторана жарко, а на веранде прохлада и вид на море, поэтому столики здесь высоко ценились. Три уже заняты, а четвертый под заказ. Смазливая официантка убрала табличку и лукаво улыбнулась Лие. Думала, что Игнат не заметит.

– Подруга? – спросил Игнат, когда девушка исчезла в ресторане.

– Подруга. Рита. – Лия выразительно посмотрела на него.

«Еще о друзьях-любовниках спроси!» – говорил ее взгляд.

А дружки могли находиться рядом. За одним столиком сидела компания: два парня развязного вида и симпатичная, глуповатого вида девушка с кулоном поверх водолазки. Одного парня Игнат узнал, но виду не подал. За другими столиками отдыхали курортники, за первым одна пара, за другим сразу две. Эти вели себя скромно, по сторонам не глазели, в то время как Бондарь сразу же стрельнул глазами в сторону Лии. И даже подмигнул ей, как показалось Игнату.

Заметил Бондарь и его самого, какое-то время разглядывал, развалившись на кресле, затем поднялся и развязной походкой, с сигаретой в руке приблизился к ним.

Бондарь дружил с Кенарем, главным заводилой Морячка. Игнат, помнится, как-то крепко подрался с Кенарем, а затем, как водится в таких случаях, также крепко с ним подружился. И вместе с ним ходил бить виноградских. И курортникам доставалось. Приезжих тоже ходили бить, если вдруг на горизонте появлялась достойная компания. С азербайджанскими студентами как-то сцепились, ребята приехали на практику, а Кенарь натравил на них братву. Хорошо, милиция тогда нагрянула, всех разогнала. А то за драку на межнациональной почве можно было срок получить.

– Лия, привет! – весело и небрежно поздоровался Бондарь.

Девушка качнула головой, давая понять, что ему здесь не рады.

– Я ненадолго!

Бондарь подсел к Игнату, повернулся к нему. Сначала затянулся, затем спросил, удерживая во рту дым.

– Я тебя знаю?

– Это Жуков Игнат. – Лия снова качнула головой, кивком показав Бондарю на его столик.

– Жук?! – воскликнул Бондарь. – Ну конечно, Жук!.. А я смотрю, знакомое лицо!

– Здорово, Бондарь! – Игнат улыбнулся ему, как старому знакомому или даже лучшему другу, но руки не подал.

Как ни крути, а пацан вел себя неприлично.

– Давно тебя не было!

– Я всегда был. Но не здесь.

– А-а!.. Слышал, слышал!..

Игнат и глазом не моргнул. Хотя и догадался, о чем шла речь. Все почему-то думали, что он мотал срок.

– Все там будем... А у вас тут еще ничего? – Бондарь очертил пальцами круг над столом. Заказ еще не подали, водочки не выпить.

– Все будет.

– Да будет... А ты сейчас как? – спросил Бондарь, немного подумав.

– Нормально.

– И я нормально... У нас тут одно дело нарисовалось...

– Я не при делах, – качнул головой Игнат.

– Да?! Ну хорошо.

– Как там Кенарь?

– А ты с ним не пересекался?

– Он по какой бухгалтерии?

– По бухгалтерии?! А-а, ну по рубль сорок четыре!..

Бондарь хотел сказать еще что-то, но появилась официантка, подала водку в графинчике, минералку, расставила тарелки. Бондарь наблюдал за ней, пьяно о чем-то думая, затем поднялся, обнял ее за талию. Девушка дернулась, как будто через нее пустили электрический ток, резко повернулась к нему и выстрелила взглядом. И этим сильно смутила пацана.

– Все-все! – отгораживаясь от нее руками, Бондарь сдал назад, вернулся за свой стол.

– Баклан! – тихо, но возмущенно произнесла Лия так, будто это ее пытались облапать.

Уже подали горячее, когда появились некие темные типы с мутными взглядами. Сначала прошел один: вихляющей походкой, клешем, как метлами, метет, правая рука манерно откинута в сторону, пальцы перебирают воздух, воображаемая финка в них крутится. Высокий, тощий, но не доходяга. Двое других и постарше, и посолидней, и одеты не так старомодно. Один в кепке, другой лысый и в клетчатом пиджаке, и это в тридцатиградусную жару. Лысый глянул по сторонам, заметил Лию, кивнул ей и, скользнув взглядом по Игнату, что-то сказал своему спутнику. Тот притормозил, глянул на Лию, на Игната, но ничего не сказал.

Игнат не стал спрашивать, кто эти типы, и без того все ясно. Да и знать он их не хотел. А если вдруг захотят познакомиться, он, так уж и быть, примет вызов. И будь что будет.

– Баштан это, – тихо сказала Лия, когда троица исчезла в сумраке зала.

При этом она не уточнила, кто из троих Баштан.

– За любовь? – Игнат поднял рюмку.

– Если Баштан под марафетом, нам лучше уйти.

– Что так?

– Водка на «марфу» ложится плохо. Любовь может проснуться. К Молчану. Он сейчас за него, а я тут такая вся с кавалером.

– Пусть привыкают!

– Ну, я-то не против... Но все-таки нам лучше уйти.

– За любовь! – Игнат снова поднял рюмку.

Они выпили раз, другой, после третьей рюмки его слегка зацепило. Он заказал сигареты, официантка принесла пачку дефицитного «Мальборо». По благу, разумеется.

– Я так обычно не курю, – сказал он.

– Только когда выпью, – улыбнулась Лия.

– Вот!

– А пью, когда в карты проиграю, – продолжила она.

– Я в карты не проигрываю... А сегодня выиграл! Тебя!

– В карты?

– У судьбы в рулетку.

– Тогда мне тоже можно, – сказала она, наманикюренным пальцем выцарапав сигарету из пачки.

От Лии не пахло табаком, когда он ее целовал, значит, если она курила, то, как и он, от случая к случаю.

От крепкой сигареты приятно закружилась голова. Игнат выпил, снова закурил, а Лия даже не глянула на пачку. Ей хватило и одной сигареты.

– Может, пойдём? – спросила она.

– Нет.

Не собирался Игнат бегать от уголовников. Да и не мог он ударить в грязь лицом перед Лией. Не такая уж она и плохая, как он мог о ней думать. Ну жила с вором, но так это не от хорошей жизни. Красивая она девка, все норовят к ней под юбку залезать, а Молчан – это какая-никакая, а защита. Да и почему она должна от мужиков бегать? Разве она обещала ждать Игната?..

Графинчик опустел, Рита пошла за вторым, но вместо нее появился тот самый тип с воображаемым ножом в руке. Он все также перебирал пальцами, мало того, шевелил губами, как будто что-то говорил. Лицо узкое и сушеное, как у воблы. Сходство с воблой еще больше придавали безжизненные глаза на выкате.

– Тебе чего? – спросил Игнат.

Сушеный возмущенно распахнул и без того вытаращенные глаза.

– Ты кто?

– Кто я по жизни? Или кто я Лие?.. Я ее парень! А она моя девушка.

– Борзый?

– Хочешь поговорить? – поднимаясь, спросил Игнат.

Сушеный кивнул, повернулся к нему спиной и направился к лестнице. Все бы ничего, но в его руке появился настоящий нож, и он не просто с ловкостью крутил его, а жонглировал им.

– Игнат, не надо!

Лия схватила его за руку, но Игнат пронзительно глянул на нее. Не дело это – влезать в чужие разборки. Тем более что она это прекрасно знала. Сушеного она останавливать не собиралась.

– Он там не один! – бросила вслед Лия.

Игнат кивнул. Ресторан можно было покинуть и через пожарный ход, возможно, сушеный уже кого-то снарядил себе в помощь. Вряд ли Баштана, скорее всего, какую-нибудь сявку.

Главная лестница выводила на освещенную площадь с фонтаном, за которым спокойно следовал себе пеший милицкий наряд. И никто из патрульных даже не глянул в сторону ресторана.

Сушеный завел Игната за лестницу, в узкое и темное пространство, с трех сторон огражденное стеной универмага, воротами во внутренний двор и складом. Идеальное место для разборок. И поножовщины. Со смертельным исходом.

Сушеный развернулся к Игнату, повел перед собой рукой, в которой крутился нож.

– Борзый! – Он уже не спрашивал, а утверждал.

И нож в руке вдруг перестал вращаться. За спиной у него появился лысый в клетчатом пиджаке и с зажигалкой в руке.

– Лийка его девушка, – передразнивая Игната, ухмыльнулся сушеный.

– Лия!

– Сказано Лийка – значит Лийка! – надвинулся на него лысый, закрывая собой сушеного. Игнат не шарахнулся, не отступил, но и боевую стойку не спешил принимать.

– Лия!

– Талый! – Лысый вдруг ушел в сторону, а из-за его спины появился сушеный с ножом в руке.

И прямо в Игната. Удар быстрый, но не прицельный, куда попадет. А удар ножом – это не всегда верная смерть. Нужно очень постараться, чтобы с одного удара вывести человека из строя и уж тем более убить его. Опасен внезапный удар, нанесенный рукой профессионала. А в бою, когда нет возможности хорошо прицелиться и вложить в удар всю силу, нож не всегда опасен. Все это Игнат знал и понимал, в том числе и как обороняться от ножа.

От первого удара он уклонился, а второй заблокировал, подставив скрещенные руки. Сушеный рванул назад, кончик ножа царапнул Игната по руке. Но тем не менее ударную руку он поймал, взял в захват. И одновременно въехал ногой лысому в колено, чтобы тот не помешал провести прием.

Захваченную руку он взял на излом, заставив сушеного взвыть от боли. Но за нож схватился лысый. В этот момент и появился милицейский патруль.

Лысый не растерялся, услышав свисток, отбросил в сторону нож и хлопнул в ладоши.

– Что такое? – сурово спросил усатый старшина ростом под два метра.

Игнат узнал его, этот дядя Степа – милиционер брал его за драку с приезжими. Десять лет назад это было, а старшина внешне практически не изменился, такой же рослый, басистый, грозный. И даже в прежнем звании. Игнат вспомнил его фамилию – Самойленко.

– Да вот, старшина, на людей бросаются! – Лысый ткнул пальцем в Игната, который по-прежнему держал его дружка в захвате.

За спиной у патрульных появилась Лия. Но ничего не сказала. Она молча и с восторгом смотрела на Игната. Старшина Самойленко тоже смотрел на Игната так, будто припоминая, где он его видел, и он узнал его.

– Жуков?

Игнат отпустил сушеного, тот замахнулся на него, но, глянув на старшину, сдал боком к своему дружку.

– Нападаешь? – спросил Самойленко.

– А то ты не знаешь, кто это? – Игнат кивком указал на Талого, который водил пальцем по горлу, показывая, какая участь ожидает борзого смельчака.

– Я знаю, кто такой ты!..

Старшина глянул на своего напарника, тот расчехлил наручники.

– Сам пойду, – буркнул Игнат.

Он видел, что наряд пеший, а идти в участок на глазах у всего поселка ему вовсе не хотелось. Вышел он уже из того возраста, когда привод в милицию считался геройством.

– Пойдешь!

Все бы ничего, но сушеного и лысого старшина задерживать не стал. Хотя и не отпускал их. Они просто исчезли, растворились в темноте, а старшина этого как бы и не заметил. Ясно же, не захотел с блатными связываться.

Игната действительно повели в участок пешком. И Лия увязалась за ним.

– Журавлева! – поморщился Самойленко.

Он и Лию знал по фамилии, но Игната это не удивляло. Хотя и напрягло. Может, он знал ее как блатную кошку, как содержательницу воровского притона или даже проститутку.

– Пусть с нами идет, – глянув по сторонам, сказал Игнат.

Ни Талого поблизости, ни его дружка не видно, вроде бы все спокойно. Никто не пытается схватить Лию, затащить ее в кусты – на расправу.

– А чего это ты раскомандовался? – одернул Игната старшина.

– А чего это вы его повязали? – возмущенно спросила Лия. – Игнат никого не трогал, на него наехали!

– Разберемся!

Участок находился неподалеку от ресторана, в небольшом двухэтажном здании, со всех сторон обнесенном забором из железных прутьев. Игнат помнил время, когда это здание только строилось и он, тогда еще мальчишка, был в нем с пацанами. И отделение милиции здесь размещалось, и паспортный стол. Игнат имел представление о штате поселковой милиции. Начальник поселкового отделения, следователь, дознаватель и инспекторы, в том числе уголовного розыска. И охрана общественного порядка – несколько патрулей, поселок-то курортный. Вряд ли за десять лет здесь что-то изменилось. Инспекторов упразднили, вернули оперуполномоченных, но это не более чем смена вывески, суть осталась прежней.

– Лия, ты давай домой! А я до утра! – Игнат кивком указал на здание.

– А это как знать! – усмехнулся Самойленко.

– Только тете ничего не говори. Она меня до утра не ждет.

– Да нет, я побуду! – Лия указала на пустую курилку возле здания.

– Здесь и будь, в ресторан не ходи.

– Давай! – низкорослый, с прыгающей походкой сержант подтолкнул Игната в спину.

Его провели в здание, и сразу в дежурную часть, а там ни единой живой души, бардак полный. Самойленко сел на стул за пультом и ладонью хлопнул по столу.

– Документы давай!

– Нет с собой, дома они.

– Журавлеву отправь.

– Зачем вам документы? Вы меня знаете. Ну, подрался, с кем не бывает.

– С тобой, Жуков, бывает. Когда я тебя за шкуру, щенка, брал?.. Ты с тех пор не изменился. Или уже отсидел?

– Почему отсидел? Я что, на уголовника похож?

– Похож. И раньше был похож, и сейчас...

– Что сейчас? Я не блатной, я с блатными схлестнулся.

В коридор откуда-то из темных глубин здания вышел невысокий мужчина, открылась дверь.

Команду Самойленко подавать не стал, но послушно поднялся, приветствуя вошедшего. Капитан Сазонов все такой же, правда, немного постарел и голова засеребрилась, но как был, так и остался шушленьким, неказистым. Взгляд живой, ироничный. И на погонах все так же по четыре звездочки.

– Вот, товарищ капитан, Жукова привел!

– Жукова? – пытаюсь вспомнить парня, наморщился Сазонов.

– А я его почему-то запомнил! – усмехнулся Самойленко. – Думал, большое будущее у парня. А он даже не сидел... Или все-таки сидел?

– Не сидел я. И не собираюсь!

– А рожа все равно уголовная, – ухмыльнулся старшина.

– Так, Самойленко, давай все по порядку! – сказал начальник, движением руки осаживая подчиненного.

– Так драка же! У «Морячка».

– Я один, – кивнул Игнат. – А против меня блатные, двое, с ножами.

– Ножей не видел!

Игнат выразительно фыркнул. Видел Самойленко, все видел – и блатных, и «пики». Виновных почему-то помиловал, а непричастного задержал. За это ему полагается втык от начальства. Но Игнат никогда ни на кого не стучал. Да и зачем ему сдавать старшину? Ничего особенного не произошло. Потерпевших нет, заявления тоже, максимум проведут дознание и, скорее всего, подержат немного да отпустят. И все равно, есть паспорт или нет. Это же курортная зона, здесь паспорта с собой не носят.

– А драка была? – спросил Сазонов.

– Была.

– Потерпевшие?

– Нет.

– Документы? – Капитан выразительно глянул на Игната.

– Тоже нет.

– А драка из-за чего?

– Да из-за официантки. Журавлева там была.

– Журавлева, – снова задумался, вспоминая, Сазонов.

– Вы же с ней соседи! – напомнил Самойленко.

– У вас отличная память, старшина, – усмехнулся Игнат.

– Знатная девка. Не совсем, правда, морально устойчивая! С блатными дружбу водит, да? – Самойленко глянул на Игната так, как будто это он толкнул Лию в объятия Баштана.

– Что было, то прошло! – набычился Игнат.

– А ты это чего? – надвинулся на него Самойленко.

Но Игнат даже мысленно не сдал перед ним.

– В камеру его давай! Пусть до утра посидит. – Сазонов качал головой, с осуждением глядя на Игната.

– Пусть посидит! – кивнул старшина.

Игнат сдал под роспись деньги, часы, спички, даже шнурки с кроссовок. У него взяли отпечатки пальцев и отправили в камеру предварительного заключения. Вот тебе и погулял.

Глава 3

Вода теплая, тело горячее, а объятия жаркие. Проникновение глубокое. Одной рукой Игнат держался за камень, другой прижимал к себе Лию, вокруг море, плещутся волны... А они ритмично двигаются в такт им... В этот момент и лязгнул замок в решетчатой двери. Игнат открыл глаза и увидел капитана Сазонова.

– Давай, Жуков, гуляй! Дома будешь спать!

Сазонов распахнул дверь, Игнат вышел из камеры. Капитан вернул ему деньги, часы, шнурки, повел к выходу.

– А насчет Журавлевой не слушай, нормальная баба! – сказал он, открывая дверь.

Лия так и сидела на скамейке в пустующей курилке. А часы показывали половину третьего. Не так уж и поздно, если разобраться. А Игнат даже успел поспать.

– Ты что, жена декабриста? – улыбнулся Жуков.

На улице тепло, но Лия куталась в кофту. Ну да, на свежем воздухе даже в августовскую ночь неуютно.

– А тебя на каторгу отправляют? – поежилась девушка.

– Во глубине сибирских руд!.. Надеюсь, что нет.

Он поставил ногу на край скамейки, вставил шнурок в дырочку кроссовки.

– Я же сказал домой идти.

– Я была дома. За кофтой ходила.

– Холодно?

– Уже нет, – снимая кофту, качнула Лия головой.

– И купаться пойдем?

– Куда купаться? – удивилась девушка.

– На камень. Я хотел. Сначала ресторан, потом ночью в море... Я уже искупался.

– Когда успел?

– Да вот, заснул... – Игнат кивком указал на участок. – Сплю, а ты во мне. Или я в тебе?..

– И как?

– Очень! Наяву хочу повторить.

– Может, лучше ко мне? – легонько толкнув Игната плечом, улыбнулась Лия.

– Тогда уж ко мне!

Комната у Игната отдельная, но за стенкой тетя Витя со его дядей, а Лия спит шумно. Может, лучше в летнюю кухню? Там диванчик, на него и прилечь можно.

– Пойдем!

Игнат зашнуровал кроссовки, они вышли на короткий, но широкий Курортный проспект, пересекающий поселок пополам до самого моря. А там улица Кочубея, по ней до самого моста – мимо базы отдыха и студенческого оздоровительно-спортивного лагеря. Везде тишина, дискотеки закончились, но люди по улицам все еще бродят, кое-кто все еще в поисках приключений. Игнат вспомнил, как сам шатался по ночам – вдруг девчонка случайная подвернется. Сейчас он мог нарваться на нож, тот же сушеный с лысым его могли подкараулить. Но улыбка все равно не сходила с губ. Ни себя он в обиду не даст, ни Лию.

Девушка не озиралась, по сторонам тревожные взгляды не бросала, словом, не волновалась. Возможно, поговорила с кем-то, возможно, с тем же Баштаном, уладила вопрос. Если да, то Игнат и знать ничего не хочет. А если нет, тем лучше. Сам справится.

Они прошли мост, Жуков остановился на перекрестке двух дорог, одна уходила к морю через русло реки, другая по улице Виноградной тянулась между домами.

– Может, все-таки на камень?

На летней кухне им, конечно, будет хорошо, но в море лучше. Так хотелось повторить ощущения, испытанные во сне.

– Давай завтра! – кокетливо сказала Лия.

Игнат не стал настаивать – успеют они еще на камне побывать. А сегодня и на летней кухне будет неплохо.

А идти всего ничего, дом совсем рядом, первый от моста. Калитка на засове, открыть не проблема. Игнат просунул руку в специальный вырез, прикрытый куском резины, тихонько вывел из пазов задвижку. Собаки во дворе нет, как и у всех на улице. Это курортная зона, здесь все ради отдыхающих. Свет в окнах дома не горит, это хорошо. И на движение у калитки никто не выходит. Это еще лучше.

Игнат не знал, насколько сильно Лия хотела оказаться в его сне. Но она хотела. И даже торопилась. Игнат держал курс на летнюю кухню, а она потянула его к двери, которая открывала вход к нему в комнату. Игнат поддался, свернул с пути – за угол дома. Только тогда и остановился. И кивком указал на летнюю кухню, но Лия качнула головой. До кухни далеко, метров десять, а дверь совсем рядом.

Игнат кивнул, шагнул к двери, но его внимание привлек вход в подвал. Он не увидел навесного замка на двери. Странно. Дядя Валя всегда закрывал свой погребок. Что, если пьяница-зятёк проник в его святая святых? Взломал дверь, вынес бочонок-другой вина. А если он еще там?

– Погоди-ка!

Игнат подошел к двери с шиферным козырьком над ней. Замок лежал на поперечине этого козырька.

Ярко светила луна, и при ее свете Игнат увидел темные пятна у самой двери. И не только пятна, а еще и капли – крупные, поменьше, совсем мелкие. Может, красное вино?.. Или кровь?

Он присел, присмотрелся, затем, достав спички, зажег одну. А ведь похоже на кровь. Самая большая лужица уже впиталась в бетон, осталась только тонкая подсохшая пленка. И впиталась кровь, и свернулась.

– Что там такое? – прижимаясь к Игнату, тихонько спросила Лия.

– Такое!

Он открыл дверь в подвал, снова чиркнул спичкой, которая высветила выключатель с тонким, как птичий клюв, тумблером. Игнат включил свет и увидел дядю Валию, вернее, его труп. Он лежал на ступеньках бетонной лестницы. В области живота несколько ножевых ран, белая майка в крови. И под плечами лужа. Кровь уже свернулась, причем давно, не меньше часа назад. И тело, похоже, уже начало коченеть. Потрогать надо, измерить температуру. Но это все потом. Глаза у дяди Валии приоткрыты, видно, что его душа уже покинула бренное тело. Поздно уже прощупывать пульс.

– Ой, мамочки! – тихонько вскрикнула Лия.

– Давай домой! В милицию звони!

– Может, не надо?

– Что не надо?

– Ну, еще свалят на тебя!

– Кто свалит? Час назад я в «обезьяннике» был! Давай!

Тетя Витя не выходила на шум, свет в доме не зажегся. Дурное предчувствие охватило Игната, стало тяжело дышать.

– А почему час назад?

– Может, и два!

Лия убежала, а Игнат поднялся на крыльцо. Как оказалось, тетя Витя все-таки отреагировала на шум во дворе. Но не сейчас, а какое-то время назад. Не включая свет, она вышла в

коридор, открыла дверь, тут смерть ее и настигла. Ее тоже ударили в живот ножом несколько раз. Белая сорочка стала красной, и на полу кровь, много крови.

В дом Игнат заходить не стал, ясно же, что убийцы там нет, а следы можно затоптать или стереть трясующимися от волнения руками.

Его трясло от переживаний, остро захотелось курить, а сигареты он видел в беседке перед летней кухней. И действительно, там лежала пачка «Примы». Он хотел осторожно выдернуть сигарету, но рука дрогнула, содержимое пачки вывалилось на землю.

Игнат закурил, прижался спиной к опорному столбу. Спокойствие, только спокойствие... Он глубоко затянулся, затем присел, собрал сигареты, сунул их в пачку. Зашел на кухню, осмотрелся, увидел на полке на стене коробку с красным крестом. Достал из нее градусник и отправился к погребу. Нельзя стоять сложа руки, нужно действовать. Да и смысла нет ждать появления милиции. Кто там подъедет? Капитан Сазонов, начальник поселкового отделения милиции? Следственно-оперативная группа из РОВД прибывает не раньше утра. А Сазонов со старшиной Самойленко действительно первым делом обвинят в преступлении Игната. Скажут, что убил уже после того, как освободился из камеры.

Курортникам дядя Валя угол не сдавал, во всяком случае, сейчас. Игнат ушел, во дворе никого – дядя Валя мог позволить себе спуститься в подвал в трусах и в майке. Игнат присел возле лежащего на ступенях тела, ощупал руку, ногу. Мышцы уже твердеют, налицо признаки начальной стадии трупного окоченения, и тело уже начало остывать, хотя и не очень заметно.

На стене, у подножия лестницы, висел термометр, который показывал восемнадцать градусов – не самая лучшая температура для хранения вина, но для исследования самое то. Ректальную температуру он замерять не стал, сунул градусник под мышку. За этим занятием его и застала Лия.

– Ты что делаешь? – Она удивленно смотрела на Жукова.

– Температуру замеряю.

– Зачем?

– Ты лучше скажи, кто мог это сделать?

Игнат поднялся, осторожно вышел из подвала, достал из кармана пачку «Примы».

– И мне! – Лия потянулась за сигаретой.

– Кто?

– Я откуда знаю?

– Там ведь и тетя Витя. Ее тоже убили.

– О боже!

– Ножом несколько раз в живот ударили...

– Вот уроды!

– Талый?

– Талый?! – задумалась Лия.

– Он мог?

– Не знаю...

– А ты хорошо подумай.

Игнат сходил в свою комнату, вернулся, а Лия все думала, приставив палец к щеке.

– Думай. Но не придумывай.

– И все-таки: зачем градусник?

Игнат кивнул, снова спустился в подвал, вынул термометр. Тридцать четыре и три. И это при температуре в подвале восемнадцать градусов. Игнат посмотрел на часы. Четыре часа пятнадцать минут.

– Убили в районе двух часов. Может, в половине второго.

– Ты откуда знаешь?

– В отделение меня доставили... Приняли в одиннадцать сорок... – Игнат помнил время, когда снимал с руки часы.

– И что?

– Пока ничего. Пока только думаю.

– Откуда Талый мог знать, где ты живешь? – спросила Лия и сама же догадалась. – Хотя...

– Что хотя?

– Ну, я подходила к твоему дому.

– Когда подходила?

– Я за кофтой ходила.

– Когда?

– Где-то в час ночи. Точно не скажу... Или нет, скажу... Я за кофтой ходила, мама вышла, сказала, что уже начало первого, мол, поздно уже, не ходи.

– Мама сказала?

– Я думала и тебе что-нибудь принести, подошла к дому, а там тихо. Ну, думаю, зайду, разбужу тетю Вику... И дяде твоему завтра на работу. Вот я захожу и не стала, а мама выглянула и упомянула, который час.

У ворот послышался шум, подъехала и остановилась машина, причем с включенным проблесковым маячком.

– Луноход подъехал, – тихо и совсем безрадостно объявила Лия.

Игнат не ошибся, и Сазонов подъехал, и Самойленко. Они шли от машины к дому, оглядываясь. Он вышел им навстречу.

– О, Жуков! – оживился старшина. – Опять ты что-то натворил.

– Двойное убийство, – мрачно глянул на него Игнат. – Тетю мою...

– Когда? Кто? – уставился на него Сазонов.

– В два часа ночи убили плюс-минус полчаса.

– Ты видел?

– Из участка?

– Кто видел?

– Никто... Случайно обнаружил.

Игнат провел Сазонова к погребу, показал на открытую дверь.

– Смотрю, замка на двери нет. Открыл дверь, а там...

– Труп там! – останавливаясь под самым козырьком, сказал Самойленко.

– Медведь! – покачал головой Игнат.

– Что?! – вскинулся старшина.

– То! Кровь у тебя под ногами! Смотреть надо!

– Это ты мне говоришь?! – вышел из себя Самойленко. – Морда уголовная!

– Уголовная! – Игнат спокойно, но твердо смотрел ему в глаза. – Но не морда... Старший лейтенант Жуков, краевое управление уголовного розыска, оперативный уполномоченный.

Игнат протянул Сазонову свое служебное удостоверение.

– Краевое управление?! – Тот озадаченно смотрел на него.

– Хабаровский край.

– А-а, Хабаровский! – повеселел капитан.

– Кто тут у вас оперуполномоченный? – Лия смотрела на Игната большими, как блюдца, глазами. И восторга в них совсем чуть-чуть, не больше капельки.

– Так это, а чего не сказал? – сделав глотательное движение, Самойленко тронул себя за кадык.

– Так на самом же деле подрался, нельзя так.

Не жаловали в этих местах органы, да и сам он в далеком прошлом терпеть не мог ментов. Ни тетя Игната не поняла бы, ни Лия. Для них так лучше сидеть, чем служить в мили-

ции. Но сейчас это уже не имело никакого значения. Тетя мертва, и убийца не должен уйти от возмездия.

– Ну да, нельзя... А я смотрю, ты его... этого профессионально заломал... – мялся Самойленко, как будто не знал, как обращаться к Игнату, на «ты» или на «вы».

Все-таки краевое управление, оперуполномоченный. С бухты-барухты в управление не берут, это отличиться нужно, профессионализм свой показать. А у Игната с десятков раскрытых преступлений в условиях неочевидности, и это еще до работы в управлении. Школа милиции, правда, обычная, не высшая, но ведь он учится в юридическом на заочном. Потому и в отпуск домой только сейчас смог отправиться, а так только на сессию и отпускали.

– Талого! – подсказал Игнат.

Он тяжело и пристально смотрел на старшину. Знал Самойленко Талого, знал, с кем дело имеет. И Талого, и лысого, и самого Баштана он знал. И где Игнат живет тоже знал. Может, он и навел блатных на тетю Витю.

– Ну да, Талого.

– Талый куда-то делся. Меня в участок, а Талый тю-тю.

– Да куда-то подевался.

– Может, сюда?

– Куда сюда?

– Сюда! – Игнат ткнул пальцем себе под ноги.

– Зачем?

– Ну, я же в камере, меня не достать, а отомстить хочется... Между прочим, у тетушки деньги водятся.

– Деньги?

– И где тетушка? – спросил Сазонов.

– На веранде... Там лежит, – вздохнул Игнат. – Так просто не обойти. Да и следы там, как бы не затоптать.

– Это правильно, следы нужно сохранить.

– Но глянуть все равно надо. Вдруг преступник под кроватью прячется!

Чтобы зайти в дом, совсем не обязательно было переступать через труп тетушки. Можно было войти и другим путем. Игнат отодвинул шкаф в своей комнате. Дверь за шкафом обычная, замок простой, а ключа нет.

– У вас там шомпол в кобуре, – сказал Жуков, обращаясь к Сазонову.

Этим шомполом он замок и взломал без особых трудностей. Капитан с подозрением глянул на него.

В доме все вверх дном, шкафы сдвинуты, вещи разбросаны. Преступник обыскивал дом грубо, как граблями греб – мощно, напористо. И бездумно. Но, возможно, с умыслом.

– Тетя Вика здесь жила, а свои дома сдавала, – сказал Игнат, пытаясь держать себя в руках.

– Дома?

– Два дома.

– Деньги водились, – кивнул Сазонов. Он даже не стал спрашивать, кому тетя Витя сдавала дом. – Я думаю, деньги пропали.

– Не знаю, – пожал плечами Игнат. – Профессионалы так не работают. Вор-профессионал чувствует, где лежат деньги, знает места, где деньги прячут. Он нюхом чует, а не граблями грабит...

– Значит, не профессиональный вор.

– Значит, мог и не найти.

– Но искал!

– Но искал.

– Значит, знал, что деньги водятся.

– Но где лежат, не знал.

– А кто-то мог и знать. – Сазонов повернул голову к Игнату, но глянуть на него не решился.

Он снова попросил у Жукова удостоверение. На этот раз рассматривал его долго, как будто под лупой. Не верил он Игнату, думал, «ксива» липовая.

– Я в этом доме никогда не был. Девять лет меня не было. А приехал только сегодня утром.

Сазонов вернул ему «корочку» и принялся разглядывать отпускной билет. Понять его можно. Игнат мог повздорить с дядей Валею, сгоряча убить и его, и тетушку. Убить и ограбить. Или сделать вид, что убийство произошло с целью ограбления. А может, он действительно решил пожить за счет родной тетки, уж кто-кто, а Игнат знал, как это бывает.

А еще сколько вопросов появится, когда следствие узнает, что свои дома тетушка завещала Игнату. И ему, и его матери, потому как больше у нее из родных никого не было. Два дома у моря – это по нынешним меркам целое состояние. А Игнату до маленькой пенсии не так уж и много, восемь лет он уже отслужил, осталось двенадцать, и это без учета льготной выслуги лет. А в Хабаровском крае климат суровый, специальное постановление это подтверждает.

– Сначала дома у родителей, затем сюда.

– В Ростове родители.

– В Ростове.

– Сюда поездом?

– Билет показать?

– Да нет, не надо... Пока не надо.

Так же осторожно, как и заходили, они покинули дом. Но на свежем воздухе Игнату легче не стало. Даже, наоборот, навалилась смертная тоска. Стало трудно дышать, но вместе с тем захотелось сесть и закурить. Но он вернулся к подвалу. Сазонов за ним.

– Я думаю, убийца с моря зашел, – сказал Игнат, глядя на бетонную дорожку, которая, пересекая огород, тянулась до самого забора, за которым начинался обрыв.

– А мог с моря?

– И через обрыв мог, и по тропинке. Вдоль забора.

Тропинка эта тянулась по самой кромке обрыва – от дома к дому, на всю длину Виноградной улицы.

– Откуда по тропинке? – спросил Сазонов.

– От реки.

Тропинка со стороны улицы за домом дяди Вали уходила вправо, а затем раздваивалась – одна нитка спускалась к реке, а другая шла в обход участка, продолжаясь по кромке обрыва на всю длину линии. На эту же тропинку можно было выйти, обойдя крайний на улице дом. И в каждом доме на Виноградной имелась калитка со стороны моря, на тропинку к обрыву мог выйти любой, даже курортник. И напрямую к пляжу – через обрыв, рискуя сломать себе ноги. И такие случаи были. Именно поэтому хозяева домов запирали калитки.

– А мог и с улицы зайти, – пожал плечами Игнат.

Он направился к летней кухне, перед которой бетонная дорожка сворачивала вправо под прямым углом. Метров через пять Игнат снова свернул – опять же вправо на девяносто градусов – и вышел к Сазонову, который стоял у входа в погреб. Перед ним Игнат и остановился.

– Убийца мог сделать круг, выйти к подвалу. А тут Валентин Георгиевич. Не знаю, что он делал в подвале. Выходил он без вина. Знаю, что он вышел из подвала и наткнулся на убийцу. И тот его ударил несколько раз в живот. А потом втолкнул обратно в погреб и закрыл за ним дверь. А замок так и остался лежать на полочке. – Игнат бросил взгляд под козырек.

– Откуда ты знаешь, что Валентин Георгиевич был без вина? – Сазонов сверлил Жукова взглядом.

Он совсем не прочь был обвинить его в убийстве, но у Игната железобетонное алиби.

– А в чем он мог его нести, в стеклянной банке? Где осколки? Где вино?.. В кувшине? Где обломки?

– А если преступник отобрал у него вино?

– Хм!.. Очень может быть. Если это был зять Валентина Георгиевича.

– Зять?

– Алкаш. Он, кстати, сегодня днем приходил за вином, за деньгами. Дядя Валя прогнал его взащей.

– А зять мог убить?

– Ну, мужик он взрослый...

– А откуда ты знаешь, когда Валентина Георгиевича убили?

– Так температура в подмышечной впадине. Температура тела на два градуса упала. А в подвале температура в районе двадцати градусов...

– Ты по убийствам работаешь?

– И по убийствам работал, – кивнул Игнат. – Думаю, что убивал человек с опытом. Или даже не человек. В смысле нелюдь... Видимо, дядя Валя успел что-то выкрикнуть, – вслух подумал Игнат. – Тетя Витя... Мама Вика вышла на веранду, а убийца уже там. И все те же несколько ударов ножом в живот. Точных ударов, уверенных. Но крови было много. Преступник не мог не замазаться...

– Что ты там про зятя говорил?

– Надо бы съездить, глянуть. Может, он сейчас дома отстирывается.

– Едем?

– Не знаю.

– Что ты не знаешь?

– Да есть у меня другой вариант.

Игнат понимал, что в этом деле местная милиция ему не помощник. Может, Сазонов и не водит дружбу с блатными, но что-то вроде договора о ненападении существует. Не зря же Самойленко не стал задерживать Талого. А ведь Игнат держал его в руках.

Сазонов и Самойленко могут отработать зятя Гену, для них это труда не составит. А Игнат займется куда более сложным делом. И не в пример более опасным. Только вот как ему выйти на Талого и его дружка?

– Что за вариант?

– Да пройтись хочу, посмотреть.

– Что посмотреть?

– Может, убийца со стороны моря зашел. Пройтись там надо, глянуть.

– Сейчас из города приедут, все, что нужно, осмотрят.

– Значит, просто здесь останусь. – Игнат бросил взгляд на Лию, которая не уходила, но стояла в сторонке, смотрела на него из темноты. Смотрела с осуждением.

Вряд ли она поможет ему выйти на блатных, с которыми он сегодня имел дело. И у Самойленко лучше не спрашивать. А без наводки на того же Талого не выйти, во всяком случае, с ходу. Выследить его можно завтра у ресторана. Но завтра может быть поздно. А сейчас еще, возможно, нет. Талый и под кайфом был, и водочкой свой марафет заполировал, скорее всего, он сейчас туго соображает. Может, до сих пор ходит с орудием убийства в кармане.

– Самойленко здесь останется, а ты, старлей, или со мной, или... Или я вынужден буду вас задержать, гражданин Жуков!

– Тогда с вами, – кивнул Игнат.

– Где живет зять потерпевшего?

– Поселок Виноградный... А где конкретно, у людей надо спросить.

Игнат снова глянул на Лию. Она могла знать, где живет зять дяди Вали, но все-таки лучше у людей поспрашивать. Виноградный – поселок маленький, дворов двадцать-тридцать, ну, может, сорок. А время хоть и раннее утро, но небо уже светлеет. Народ уже просыпается на утреннюю дойку. А коровы в Виноградном чуть ли не в каждом дворе.

Глава 4

Ветер дул с гор и со стороны моря, эти потоки в поселке смешивались, шелестя кронами деревьев. Тепло с гор, прохлада с моря – выходил приятный бодрящий коктейль. Ранний утренний свет, крик петухов, мычание коров – и это должно было если не радовать, то поднимать настроение. Но на душе такая тяжесть, что ноги не держат. Нет больше тети Вити. А ведь Игнат мог предотвратить беду, если бы находился дома. Он мог бы остановить преступника... Что он скажет маме?

За Зойку Игнат особо не переживал. Ему приходилось сообщать людям о гибели отцов, сыновей и дочерей, но сейчас он сам в роли пострадавшего. И с Зойкой у них одна беда на двоих. И говорить с ней будет Сазонов. Сначала известит о гибели отца, а затем уже будет выяснять, причастна она к убийству или нет.

Из дома Зойка вышла в халате поверх комбинатии, в белой ситцевой косынке, под которой скрывались завитушки волос, на ночь накрученных на бигуди. На лице выражение досады, обиды и презрения.

– Что, привезли? – спросила она, кивком показав на служебный автомобиль.

И, схватив лающую собаку за ошейник, затолкала ее в будку. Там и закрыла.

– Что привезли? – Сазонов внимательно наблюдал за ней.

– Ну, мужа моего... Игнат, ты, что ли?

Жуков уныло кивнул. Узнав его, Зойка искренне удивилась, как будто не знала, что Игнат гостил у ее отца. Или знала, но не понимала, почему он здесь.

– Привет, Зоя!

– А чего так невесело?.. Что с Генкой-то?

Приложив руку к груди, Зойка задумалась. Радоваться или горевать, думала, если с мужем что-то случилось. С одной стороны, беда, а с другой, зачем он ей, алкаш, нужен?

– Где он?

– Это мы у вас хотели спросить, – сухо сказал Сазонов.

– А вы не знаете?

– Нет.

– А зачем он вам?

– Где ваш муж, Зоя Валентиновна?

– Да не знаю я! Как укатил вчера вечером!..

– Куда?

– А куда его по пятницам носит? – глянув на Игната, с жалостью к самой себе сказала женщина и вздохнула.

Ну не сложилась у нее судьба: не повезло с мужем. А кто сейчас счастлив в браке? Мужики через одного пьяницы, по-черному народ пьет, хоть сухой закон объявляй.

И дом у мужа не ахти. Не дом, а мазанка из дерьма и палок, крытая ржавой дранкой. От старости хата в землю ушла, фундамента не видно. У отца дом не в пример лучше. Дом, на который Зойка имеет все права.

– Куда его по пятницам носит?

– Ну, с Лешкой Матвейчуком они обычно... А что случилось?

– С вашим мужем?

– С моим мужем. – Голос у Зойки вибрировал от тревоги.

– С вашим мужем ничего... А вот с вашим отцом.

– Что с моим отцом?

– С вашим отцом, – вздохнул Сазонов, настраивая женщину на трагическую новость.

– Что с отцом?

- Убили вашего отца.
- Как убили? – Сначала Зойка шлепнула себя по бедрам, затем по щекам.
- Зарезали. Сегодня ночью.
- Как зарезали?!

Зойка глянула на велосипед, который стоял, приставленный к потемневшему от старости штaketному забору. Похоже, она собралась ехать к отцу. А велосипед мужской, с закрытой рамой.

- Сегодня ночью.
- Это правда?

Зойка шагнула к велосипеду, но у нее подкосились ноги, хорошо, рядом, у дома стояла скамейка, она потянулась к ней. Игнат быстро открыл калитку, но пока дошел до Зойки, она уже села.

- Как же так? – спросила женщина, с укором глядя на него.
- Да так, прихожу ночью, погреб открыт, а там твой отец.
- Погреб?
- Винный.
- А при чем Генка?
- Так он вчера вечером приходил к твоему отцу за вином.
- И что?.. Думаешь, Генка убил?!
- Не знаю.
- А почему не ты?
- А почему не он? – спросил Сазонов, кивком указав на Игната.

Он тоже зашел во двор.

– Ты же сегодня... Ты же вчера должен был приехать! – поднимаясь со скамейки, напористо сказала Зойка.

- Вчера и приехал.
- А сегодня отца!.. Это он! – Обращаясь к Сазонову, она ткнула Игната пальцем. – Я знаю!
- Что вы знаете? – уставился на нее капитан.
- Знаю, знаю!.. Его хитрую тетку знаю!.. Один дом она уже отобрала! Теперь наш дом отбирает!

– Как ваш дом отбирают?

– А очень просто! Завещание составляют, кто первый умрет, тот свой дом и отдает!.. Все же знают, что она дядю Гору отравила!

Игнат с осуждением смотрел на Зойку. Понятно, горе у нее, но за языком все равно следить надо. Не травила тетя Витя своего второго мужа. Все знают, что у дяди Егора сердце остановилось после второго инфаркта. А то, что дядя Егор дом ей завещал, тетя Витя даже не знала. И не надо глупости говорить!..

- Тетю Вику тоже убили, – тихо сказал Игнат.
- Как убили?! – опешила Зойка.
- Да так и убили. Сначала твоего отца, затем тетю Вику. Убийство с целью ограбления.
- А что вы говорили про завещание? – спросил дотошный Сазонов.
- Что говорила?..
- Кто первый умрет, тот свой дом и отдает, – напомнил начальник отделения.
- Ну да, отец завещание составил, и тетя Вика тоже, – кивнула Зойка.

– То есть, если ваш отец умрет, его дом унаследует Виктория... – Сазонов вопросительно глянул на Игната.

- Яковецкая Виктория Максимовна.
- Твоя тетя могла унаследовать дом Валентина Георгиевича? – спросил Сазонов.

– Дом Валентина Георгиевича должна унаследовать его дочь, – ответил Игнат. – И она прекрасно это знает.

– Не знаю я ничего! – воскликнула Зойка.

– Ну да. – Игнат бросил взгляд на мазанку.

– А если Виктория Максимовна умерла, кому перейдет ее дом? – поинтересовался капитан.

– Дома, – подсказала Зойка. – Два дома!

– Кому там что отойдет, это к нотариусу, – заявил Игнат.

– Тебе все должно отойти! Я знаю!.. – вскричала Зойка.

– Я не убивал. У меня алиби. А вот где твой муж пропадает, это нужно выяснять.

– Алиби у тебя!

– В момент убийства находился в участке, – кивнул Сазонов.

– А где еще мог находиться злостный хулиган Жуков?

– Ну почему же хулиган?

– А может, и вор. Может, грабитель... А может, и убийца! Никто не знает, за что ты сидел!

– Ну вот! – совсем невесело улыбнулся Игнат.

– Рассветло уже... – глянув по сторонам и на небо, сказал Сазонов. – А ну дай-ка еще разок взглянуть на удостоверение!

Игнат усмехнулся, достал «корочку» и вместе с вложенным в него отпускным билетом протянул капитану. И он пристально стал разглядывать печать, вдруг фальшивка?

Игнат сел на скамейку и вытянул ноги. Не стал он спрашивать, где Гена, и в дом его искать не отправился. Он сам под подозрением, да и полномочий как таковых в чужой дом нет.

– Где муж? – спросил Сазонов, в который уже раз возвращая Игнату удостоверение.

– Да не мог Генка! – мотнула головой Зойка.

– Где Генка?

– Говорю же, с Матвейчуком где-то!

Лешка Матвейчук жил в доме из красного кирпича, двор – сплошной вишнево-яблоневый сад. А перед домом рос огромный грецкий орех, тенью своей накрывающий чуть ли не пол-улицы. Игнат помнил этот орех. И Лешку Матвейчука вспомнил. Дрался с ним когда-то. Их было двое, он один, ничего, справился.

Лешка спал прямо на скамейке под виноградником. Рядом сидела цепная собака, она даже не гавкнула, когда к забору подошли Сазонов и Жуков. Сидит, смотрит на Игната умными глазами, нельзя хозяина будить. Но если вдруг незваные гости попытаются обидеть Лешку, пусть пеняют на себя.

– Матвейчук! – зычно крикнул Сазонов, с силой и громко тряхнув железную калитку.

Лешка продрал глаза, поднялся, только тогда собака залаяла.

– Что-то я не понял! – глядя на Игната, проговорил Матвейчук.

Молодой еще, может, на год старше Игната, но лицо не просто опухшее, а темное от постоянных пьянок. Спился парень.

– Гена где?

– Гены с нами не было! – мотнул головой Матвейчук.

– Где не было?

– Ну, помнишь, у речки, ты, я, Сашка Ивасев.

– Это давно было. А вчера ты с Генкой бухал.

– Ну да, вчера... А сейчас ты мне снился... И Сашка с Ивасем... Нет, правда снился!

Лешка остановился в двух шагах от калитки, но даже с такого расстояния от него нещадно разило перегаром. Наверное, бормотуху жрали.

– А это кто? – Лешка потер глаза, глядя на Сазонова.

- Не узнаешь?
  - Ну как не узнаю!..
  - Генка где? – снова спросил Игнат.
  - Генка? Петелин?
  - Петелин!
  - Так у тестя своего. Ушел к нему – и с концами.
  - Когда ушел? – оживился Сазонов.
  - Ночью.
  - Давай, рассказывай по порядку! – Игнат махнул рукой, как дирижер, останавливая музыку.
  - А ты что, в милицию устроился?
  - На полставки... Гена вчера к тестю ездил на велосипеде, денег просить и вина.
  - Да, – кивнул Матвейчук. – Денег, чтобы закусь купить... А у тебя ничего выпить нет?
- А то под гланды жмет. – Парень потрогал себя за горло.
- Игнат кивнул, вынул из одного кармана бумажный рубль, из другого – железный. На бутылку дешевого плодово-ягодного вина должно хватить. Или домашнего вина можно купить, даже молодого взять. Народ вино уже давит – из ранних сортов винограда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.